

DOI: 10.15372/HSS20210310

УДК 94(571.1)“1930/1940”

В.Б. ЛАПЕРДИН

БЕДНОТА И СЕРЕДНЯКИ В КОЛХОЗНОМ СОЦИУМЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается социально-экономическая дифференциация колхозного социума в Западно-Сибирском крае в 1930-е гг. Сделан вывод о социальной мобильности в колхозах с учетом стартовых позиций (состояния хозяйства и положения в крестьянском обществе до коллективизации). Показано, что взаимоотношения в колхозах между социальными группами складывались под влиянием также практик, «перенесенных» из общинной деревни в новые условия. Неоднородность батрацко-бедняцкой среды и различное положение ее представителей в крестьянском обществе стали главными причинами социальной дифференциации в колхозах: бедняки как третировались со стороны односельчан, оставаясь внизу колхозной иерархии, так и успешно пользовались социальными лифтами в продвижении вверх. В наиболее выгодном положении оказались «большевизированные» группы бедноты, поддерживающие политику государства.

Ключевые слова: крестьянство, аграрная политика государства, социальная мобильность, Сибирь, колхозно-совхозная система.

V.B. LAPERDIN

POOR AND MIDDLE-CLASS PEASANTS IN COLLECTIVE FARM SOCIETY OF WEST SIBERIAN REGION IN THE FIRST HALF OF 1930S

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to investigate socio-economic differentiation of collective farm society in West Siberia in the 1930s. The author concludes on the mobility in the collective farm society from the point of starting positions (individual economic and social status in the peasant society before collectivization). Despite the high social mobility, it was difficult for poorest peasants to move up the ladder of collective farm hierarchy because of negative attitude of middle-class peasants. Meanwhile, many representatives of the poor strata of peasantry managed to take a worthy place in the collective farm society. The existence of two opposite tendencies is explained by heterogeneity of the poorest peasantry, and attitude of other groups to poor peasants formed before collectivization. Peasants had a positive attitude towards the “forced” poors, who became such because of redistribution of land or other force majeure circumstances, but the “voluntary” poverty was condemned in peasant society. Those poorest peasants, who adhered to the Bolshevik ideology, had bad reputations, but were supported by the authorities. Relations in collective farms between social groups developed, among other things, on the basis of practices that existed before collectivization, «transferred» from the traditional peasant community to new conditions of the collective farm society. Those poor peasants, who had the least prestige among their fellow villagers, found themselves at the bottom of the social hierarchy. People belonging to the same status, but with a higher position, were not bullied by the middle-class peasants and were able to take full advantage of the social elevators. Groups of peasants supporting the state were in the most advantageous position. Collective farm leaders were often recruited from those groups.

Key words: peasantry, state agrarian policy, social mobility, Siberia, collective farm – state farm system.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе социалистического строительства в советской деревне формировались абсолютно новые социально-экономические отношения, кардинально изменявшие крестьянскую среду. Ранее уже извест-

ные, но остававшиеся чуждыми сельским жителям колхозы стали доминирующей формой организации труда. Внутри колхозного социума складывалась новая система иерархии, приводя тем самым в движение механизмы социальной мобильности.

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, <https://orcid.org/0000-0003-4827-8741>, e-mail: laperdin2011@mail.ru

Vyacheslav B. Laperdin – Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

В советской историографии, как и в современной, многие исследователи склонны выделять в колхозном социуме отдельные социально–профессиональные группы. В советский период изменения социальной структуры объяснялись возникновением новых форм производства, что обосновывалось как на общесоюзных [1], так и региональных материалах, в том числе сибирских [2; 3]. В 1990-е гг. Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин [4; 5; 6] задали новую историографическую традицию, согласно которой социально–профессиональная дифференциация колхозного социума отходила на второй план и сводилась к «дифференциации бедности». Первостепенным стало изучение ее причин, в частности аграрной политики государства. Любое расслоение в колхозной среде при таком подходе исследования стиралось, основной целью стало раскрытие отношений между властями и крестьянством. Впоследствии внимание многих исследователей было приковано к данной проблеме именно в такой ее формулировке.

Однако имеются вполне удачные попытки осуществления ревизии советской концепции. Ш. Фицпатрик [7] выделяла отдельные профессиональные группы, складывавшиеся в колхозах с началом коллективизации. Принципиально новой в ее исследовании стала оценка колхозного руководства как привилегированной группы, борющейся за улучшение своего положения. М.А. Безнин и Т.М. Димони [8] дали совершенно новую интерпретацию дифференциации колхозного социума, представив профессиональные группы в виде отдельных социальных классов, обладавших собственным самосознанием. Эта концепция, несмотря на критику, нашла своих последователей. Так, Л.В. Изюмова [9] исследует колхозное крестьянство Европейского Севера России, используя данную методологию. М.Н. Глумная [10] проанализировала основные тенденции изменения управленческого аппарата колхозов. В ее работе изучается только часть колхозного социума (в первую очередь члены правления), находящаяся на самом вершине иерархии. Управленческий персонал, по ее мнению, является профессиональной группой, а не отдельной социальной категорией, как считают М.А. Безнин и Т.М. Димони. Важным для нашего исследования является вывод о социальном составе управленцев, и почти полном отсутствии в их рядах бедноты. Колхозники желали видеть на руководящих постах «крепких» хозяев. Власть были обеспокоены малым числом бедняков и батраков среди колхозных управленцев, но, в конечном счете, вынуждены были согласиться на присутствие большого числа середняков в составе членов правления, сделав ставку не на социальный состав, а на политическую лояльность руководящих кадров [10, с. 178, 274]. О низком статусе в колхозной среде вы-

ходцев из бедноты говорится в статье И.В. Гончаровой и Г.С. Чувардина [11], где этот вопрос рассматривается на материалах Центрального черноземного округа.

В перечисленных выше работах в той или иной степени затрагивается вопрос социальной мобильности и возможности перехода с одной ступени колхозной иерархии на другую. Если в советских работах основное внимание уделялось позитивным изменениям и представившимся для крестьян возможностям социального роста, то сторонники историографической традиции, основанной на работах Н.А. Ивницкого, В.П. Данилова и И.Е. Зеленина, рассматривают в первую очередь негативные изменения: раскулачивание, чистки, репрессии. Впрочем, в современной историографии сохраняется интерес и к вопросу формирования колхозной иерархии, способам улучшения социального статуса – об этом говорится в работах М.А. Безнина, Т.М. Димони, Л.В. Изюмовой, а также М.Н. Глумной. Намного более сложная картина представлена Ш. Фицпатрик. Она показывает как позитивные, так и негативные возможности передвижения по социальной лестнице в колхозной системе. Социальную мобильность колхозного крестьянства исследовал В.А. Ильиных [12]. Он говорит не только о вертикальной мобильности – изменении места в социальной структуре, движении как вверх по ней, так и вниз, но и о горизонтальной мобильности – переходе из одной позиции в другую при сохранении социального статуса (вступление в колхоз не всегда являлось потерей статуса или его повышением).

В 1930-е гг. для колхозников имелись разнообразные способы изменить свое положение в колхозной иерархии как в сторону социального роста, так и падения. Во многом этому способствовала высокая текучесть кадров, сохранявшаяся даже в конце десятилетия. В 1939 г. в 45 районах Новосибирской области сменилось 42 % председателей колхозов. В это же время половина председателей колхозов Алтайского края работала менее года [3, с. 38]. Высокая текучесть кадров наблюдалась и в составе колхозных правлений. Для рядовых членов колхозов открывались широкие возможности изменить свой статус. При этом остается не раскрытым вопрос о взаимосвязи социальной мобильности в колхозном обществе и взаимоотношений в крестьянской общине до коллективизации, в частности, о статусе крестьянского хозяйства. Большинство исследователей в своих работах говорят о колхозах после «великого перелома» как об абсолютно новой для деревни социальной структуре. Однако люди, вступившие в колхозы, хотя и потеряли прежний статус батраков, бедняков или середняков, но сохраняли крестьянский менталитет и в одночасье не могли забыть годами складывавшуюся систему отношений. На это косвенно указывает

М.Н. Глумная, упоминая о нежелании колхозников видеть среди членов правления представителей бедноты [10, с. 178].

В одной из наших статей поднимался вопрос о социальной дифференциации колхозного социума и положении бедняцко–батрацкой части крестьянства [13]. В ней в общих чертах были охарактеризованы проблемы взаимоотношений внутри колхозной среды на примере докладной записки начальника политотдела Топкинской МТС. Сделан вывод о социальной мобильности в колхозном социуме с точки зрения стартовых позиций (состояние хозяйства до коллективизации). Крестьяне, находившиеся внизу социальной лестницы в сельской общине, оставались аутсайдерами и в колхозном социуме. Данная тенденция не имела абсолютного характера, но могла проявляться в определенных условиях. При этом сохранялась высокая вертикальная мобильность, позволявшая выходцам из наименее обеспеченных слоев сельских жителей продвигаться вверх в колхозной иерархии.

В данной статье с использованием более широкого круга архивных источников предпринята попытка подробно рассмотреть высказанные ранее предположения. В первую очередь необходимо ответить на вопрос, почему одни выходцы из бедняцкой среды быстро поднимались вверх по лестнице колхозной иерархии, а другие оставались внизу. И каким образом на эти перемены повлияли отношения внутри колхозных коллективов. Отдельное внимание уделено критике источников. В делопроизводственной документации партийно–хозяйственных организаций, как и в крестьянских письмах во власть, упоминания о притеснениях бедноты вызывают обоснованные сомнения. Тем не менее осторожный подход при оценке содержащейся в источниках информации позволяет раскрыть тему исследования.

ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНЯКОВ В КОЛХОЗНОМ СОЦИУМЕ

Социально–экономическое разделение крестьянского общества существовало продолжительное время задолго до коллективизации. Беднота, середняки и зажиточное крестьянство далеко не всегда мирно уживались друг с другом. Конфликты между ними, хотя и подогревались государством, не были идеологическим вымыслом, а имели под собой реальные основания. С начала проведения коллективизации между различными имущественными группами, оказавшимися в одном колхозе, стали возникать разногласия. Конечно, необходимо критически оценивать многие сообщения об ущемлении прав бедняков и батрачества в колхозах. В 1930-е гг. в советской деревне существовал своеобразный «культ бедноты», возникший еще в предыдущее десятилетие. Являясь, по мнению государства, основной социальной базой

социалистических преобразований, беднота мифологизировалась. С ней связывалось все хорошее, что только есть в крестьянстве. Их противники автоматически становились врагами советской власти. Подобный «черно–белый» взгляд на деревенский социум, подогреваемый тезисом об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, стал причиной многочисленных упоминаний в отчетах сельских функционеров о бедноте, угнетаемой еще не до конца разбитым кулачеством, проникшим в колхозы. Поэтому следует скептически относиться к подобным заявлениям. К примеру, по данным Западно–Сибирской краевой прокуратуры, в 1931 г. в Точилинском сельсовете Алтайского района «<...> во главе парторганизации коммуны находился кулак Тижин Илларион, который протасил в партию брата–кулака Тижина Захара и еще несколько кулаков в члены коммуны. <...> группа возглавляемая Тижиним допускала явно хулиганские действия, разъезжая по селу с плетками и угрожая крестьянам не идущим в колхоз ссылкой в Нарым. Установлены случаи избияния плетками женщин и детей, аресты за отказ от обобществления имущества, а также насилия над женщинами. <...> село было буквально терроризировано и компания Тижина получила кличку карательного отряда, сам он назывался «исправником», а его помощники «жандармами». <...> Вся коммуна была как бы разделена на тижинцев и бедняков. Первые находились в значительно лучших условиях, чем вторые. <...> установлены случаи избияния бедняков и безобразного к ним отношения»¹. По логике автора сообщения, братья Тжины были кулаками не из–за их социально–экономического положения, а вследствие допущенных ими перегибов при коллективизации. Их жертвами обязательно становилась беднота, столь сильно ненавидимая, по мнению властей, кулаками. Отсюда и разделение коммуны на «тижинцев» и бедноту. По всей видимости, деревня действительно оказалась терроризируема опьяненными властью коллективизаторами. Однако классовая борьба не имела к этим событиям никакого отношения.

О вражде между различными имущественными слоями крестьянства поступали сообщения и из национальных районов. По сведениям крайкома в Узунском колхозе Кош–Агачского аймака Ойротской автономной области баи издевались над пастухами, не давая им коней для работы, но предоставляя их другим баям, камам и лишенцам с целью разездов по гостям². В Гачан–Узунской сельхозартели председатель правления, кандидат в члены ВКП(б) Игушев

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 272.

² Там же. Д. 242. Л. 3.

Яманул «делал нажим на бедноту и батраков, например, батрака Абынтова посылал за 25 верст в сельсовет за справкой, не давая ему в течение 5 суток хлеба и мяса, в результате батрак дошел до того, что не мог работать»³.

Представители советского партийно-хозяйственного аппарата понимали реальность конфликта. Однако идеологическая зашоренность не позволяла им взглянуть на ситуацию иначе, чем сквозь призму теории классовой борьбы. По их мнению, разжигание розни между батрачеством, беднотой и середняками происходило вследствие кулацкой агитации⁴. Впрочем, далеко не всегда их суждения оказывались столь ограничены. В документах проскальзывают и более реалистичное описание внутриколхозных конфликтов, без упоминания вездесущих кулаков. В 1930 г. в Ужанихинском районе при создании коммуны им. Буденного ее членами стали середняки – братья Куляковы. «Означенные лица с момента организации коммуны организовали в последней группировку, так называемую “куляковщину”, производя систематическое пьянство, устройство свадеб, избиений и издевательств над батраками, привлекая к означенным действиям и членов правления, имея на своей стороне явное большинство членов колхоза, являющ[ихся] родственниками Куляковых»⁵. В данном случае в роли угнетателей выступают середняки, связанные родственными отношениями. Подобная оценка уже ближе к реальности, без навешивания «кулацких ярлыков», хотя у автора документа были все основания для интерпретации фактов в духе классовых столкновений.

Притеснение бедняков и батрачества в колхозах со стороны кулачества стало частым сюжетом в крестьянских письмах, адресованных партийным органам. Таким способом авторы пытались приобрести особый статус в глазах властей и манипулировать их мнением. Исключенный в 1934 г. из колхоза «Пролетарский труд» Щербакульского района А. Борисенко утверждал, что одной из основных причин его изгнания стало выступление на колхозном собрании о «не верном прикреплении на работу всех зажиточных и бывших лишенцев, а беднота ходит без работы, только часть на работе, а поэтому на меня, Борисенко, пошел сильный нажим и нападения»⁶. Полностью доверять подобного рода заявлениям не стоит. Однако в данном случае автор указал на один весьма любопытный момент. Как будет показано ниже, одним из способов дискриминации бедняков в колхозном социуме стало

создание условий, при котором они не могут вырабатывать большое количество трудодней. Правление назначало их на низкооплачиваемую работу либо же вовсе не давало возможностей для заработка. На этот случай как раз и указывает А. Борисенко.

Более подробно эту проблему описал в своем письме, адресованном Западно-Сибирскому крайкому в 1932 г., М.И. Сучков, состоявший в колхозе им. Буденного Чебаковского района: «... трудящемуся бедняку или батраку жить очень трудно, потому что он всем обездолен, как в трудоднях, так и продуктами, тем более приезжим, вступившим в колхоз очень часто приходится сидеть голодным и холодным по два, по три и по четыре, и по пять дней, то мелят на мельницах живут, то не хватает хлеба. А друг дружку укоряют, что хорошо тебе жить без хлеба, что вы напасли себе колхозного хлеба. Все управители колхоза кулачки и зажиточные, и все родные и знакомые, все связаны. Малая часть бедноты и батрачества то не смеют ничего сказать, а то причину найдут, обездолят и выжить из колхоза так не так то выморкой выживут из колхоза»⁷. Этот взгляд на проблему «изнутри» принадлежит человеку, ощутившему на себе дискриминацию в колхозном коллективе, здесь присутствует упоминание ставшего уже мифическим в 1932 г. кулачества. Подобный прием часто использовался крестьянами при обращении к властям – они знали, как использовать бытовавшие в то время идеологемы. Но в конкретном случае причиной дискриминации, по всей видимости, стали не происки кулаков, а сохранившиеся еще с общинных времен отношения. Автору письма было проще сослаться при обращении к властям на понятную им теорию классовой борьбы, чем обосновывать происхождение имущественного расслоения иными способами: экономической дифференциацией, неформальными связями и т.д.

Порой выходцы из крестьянской среды весьма точно и незамысловато указывали на причины разногласий между представителями различных социально-экономических категорий сельского населения. Так, аноним из коммуны «Пролетарский труд» Спасского района в 1933 г. очень просто объяснял внутриколхозные конфликты: «<...> посиди в конторе, послушай один разговор, я принес вот какое хозяйство, указывая на свои обширные комнаты, кои заняты коммуной, тот б[ывший] бедняк тоже говорит: и я принес, батраки слушают, они ничего не принесли, чем вызывают недовольство»⁸. Таким образом, имущественные претензии к односельчанам провоцировали конфликты в колхозной среде. Но не только

³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 252. Л. 26 об.

⁵ Там же. Л. 335.

⁶ Там же. Оп. 7. 449. Л. 5.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 272.

⁸ Там же. Л. 21.

банальная неприязнь стала причиной незавидного плохого положения в колхозах малоимущих категорий крестьянства. Имелись и вполне объективные причины. Средняки оказались более подготовлены для ведения коллективного хозяйства. В 1931 г. в Боготольском районе в коммунах «Путь октября» и «13 лет РККА» зажиточные крестьяне говорили своим односельчанам–беднякам: «... в колхозе хорошо живется тому, у кого и раньше было всего, а если у тебя бедняка не было ничего, не во что обуться и одеться, то как же ты заработаешь трудодни»⁹. О значении работы в колхозе для бедноты писал в 1932 г. селькор деревни Назарово Спасского района: «Перемышкина в конторе по два дня стояла плакала, дай работы заработать для детей кусок хлеба. Леонов [председатель колхоза] посмеивается над женщиной: без хлеба поешь»¹⁰.

В одной из наших статей был опубликован доклад начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга [13]. Пытаясь объяснить возникновение продовольственных затруднений в 1934 г., он провел социологическое мини–исследование, охватившее 8 колхозов, находящихся в районе деятельности МТС. Основным мотивом для него стало не выявление «кулацкого следа», а установление реальных причин провала кампании по закупу хлеба и отсутствия хлеба у колхозников. При проведении обследования Б. Майберг пришел к весьма любопытным выводам. Большинство семей, страдавших от дефицита продовольствия, занимались в колхозах наименее оплачиваемыми работами и выработали минимальное количество трудодней. Между тем их односельчане заработали достаточное количество трудодней и смогли покрыть потребности своих хозяйств в хлебе за счет полученного при распределении доходов. Разница в доходах оказалась весьма существенной и достигала соотношения одного к трем.

Такая дифференциация не была следствием незаинтересованности крестьян в общественном труде, а скорее отсутствием возможности проявить себя в нем, по причине дискриминации как со стороны колхозного правления, так и основной массы коллектива. Иными словами, им попросту не давали заработать на содержание своих семей. Однако не стоит все списывать на банальные внутриколлективные конфликты и групповые отношения, в результате которых «хлебные» должности распределялись среди членов «своей» группировки. Как установил Б. Майберг, испытывавшие продовольственные затруднения колхозники до коллективизации составляли батрацко–бедняцкую прослойку сельского социума. Выработывавшие же трудодни были середняками. Оказавшись в

одном колхозе, середняки подвергали дискриминации малоимущих односельчан, считая их неспособными заниматься ответственной работой.

Руководство колхозов поддерживало средняцкую часть коллективов, поэтому правления не назначали бедноту на достойные должности. Однако Б. Майберг говорит не просто о банальной дискриминации, он показывает куда как более сложную картину социальной жизни деревни: «... взятый в свое время вполне правильный курс на середняка в колхозном строительстве в настоящее время, как мне кажется, начинает перерастать в свою противоположность. Средняцкие хоз[яйст]ва, захватив в колхозах “командные высоты”, сильно укрепили за собой эти позиции и оттеснили бедноту, не допуская ее к хорошо “оплачиваемым” работам. Я имел беседу на эту тему с некоторыми, наиболее передовыми, председателями. Они признали, что это явление имеет место, что оно “исторически” так сложилось вследствие того, что середняк пришел в колхоз более квалифицированным, грамотным, знающим хоз[яйст]во, умеющим работать и т.д. и т.п. Обратное в своей массе представлял бедняк. Все это непреложно верно «в былом», но за последние 5–6 лет картина сильно изменилась: бедняк культурно–политически и, если так можно выразиться, хозяйственно развился и вырос. Его же экономическое положение и роль в колхозном производстве относительно почти не изменились. Разность в экономическом положении между быв[шим] средняцким и бедняцким хозяйством усугубляется еще рядом обстоятельств. Основным из них – это то, что середняк пришел в колхоз с крепким, неплохим своим индивидуальным хозяйством, которое ему (середняку) удалось еще больше укрепить. Бедняк же не имеет возможности “стать на ноги”. Не имея своего подсобного хозяйства, а зачастую даже коровы, он потребляет значительно больше хлеба на едока, чем средняцкое хозяйство»¹¹. Таким образом, беднота не только не могла выработать большое количество трудодней, но и развивать собственное хозяйство. Этим и объясняются продовольственные затруднения части колхозников, возникшие на фоне относительно благополучного существования односельчан.

О взаимосвязи между имущественным положением крестьян до коллективизации и после, а также выполняемой в колхозе работе и размере получаемой оплаты говорится в докладной записке 1932 г. уполномоченного Западно–Сибирского крайкома по хлебозаготовкам в Баевском районе: «В колхозе им. КАЛИНИНА <...> наряду с бесхозяйственностью и расхищением хлеба и скота пышно процветала экс-

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 305. Л. 81.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 253.

¹¹ Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 91-92.

плуатация бывшего батрачества и бедноты. Эксплуатация носила явно издевательский и контрреволюционный характер. Бедноту не только ставили на самую тяжелую, грязную и менее оплачиваемую работу, но воровали трудодни, снижали нормы выработки и не оплачивали; пытавшихся протестовать лишали работы и оставляли совсем без хлеба. <...> Вообще лишение работы бедноты в колхозах носит массовый характер, а отсутствие работы, отсутствие трудодней – отсутствие хлеба, отсюда голод и бегство бедноты из колхозов (один из кулацких методов разрушения колхозов и дискредитации коллективизации)»¹². В своей оценке автор не обошелся без упоминания классовой борьбы. Однако его наблюдения не следует сводить к банальному поиску виноватых (в данном случае – кулаков). Уполномоченный крайкома, хотя и использует распространенные в то время идеологемы, подтверждает представленное выше мнение начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга.

Рядовые сельские партийцы, непосредственно вовлеченные в колхозное строительство, не только воочию наблюдали столкновение между отдельными группами крестьян, но и принимали в них непосредственное участие. В 1931 г. в Рыбинском и Усть-Ишимском районах некоторые члены партии считали батраков «дезорганизирующим элементом» и с целью воспитания предлагали исключить их из колхоза на несколько месяцев. Вопреки бытовавшим идеологическим догмам социальную опору колхозов они видели в «хозяйственном» мужике, а не якобы в политически лояльной бедноте¹³.

Вместе с тем, обращаясь в партийные инстанции, рядовые члены ВКП(б) использовали положительные стереотипы о бедняках в своих целях. В 1931 г. председатель Омского райполеводсоюза Р.В. Клец организовал коммуны им. Воровского, став ее членом. Через некоторое время, по его словам, коллектив колхоза разделился надвое: с одной стороны члены правления, с другой – беднота. Сам Клец, естественно, примыкал к последним. В результате развернувшейся борьбы он был заключен под стражу по подозрению в поджоге мельницы. Р.В. Клец следующим образом описывает свой арест: «Толпа батрачек и беднячек коммунарок проводит меня с плачем»¹⁴. Классовая принадлежность проливавших слезы женщин, по мнению автора, должна была свидетельствовать о его невиновности. Здесь беднота уже является не «дезорганизирующим элементом», а указывает на совершенную несправедливость и невиновность организатора колхоза.

ПОЛОЖЕНИЕ СЕРЕДНЯКОВ В КОЛХОЗНОМ СОЦИУМЕ

Далеко не всегда в ущемленном положении оказывалась беднота. В зависимости от того, как складывались отношения в том или ином колхозе, аутсайдерами могли стать середняки. По данным Западно-Сибирского крайкома в 1931 г., «нередко отмечаются в колхозах факты полнейшего игнорирования нужд, запросов и интересов середняка-колхозника; зачастую он даже не привлекается к участию в разрешении колхозных вопросов; хозяйственный опыт и знания середняка не всегда и не везде используются в полной мере, стремления и попытки середняка стать активным работником в колхозе иногда упираются в непреодолимую стену бюрократического, явно оппортунистического руководства»¹⁵.

Беднота могла численно превосходить середняков и поддерживаться со стороны сельской партийной ячейки. Так, в 1930 г. в колхозе «Память Ленина» Ижморского района происходило противостояние между весьма многочисленной партийной ячейкой, состоящей из 10 членов ВКП(б) при поддержке 13 комсомольцев, выступавших на стороне бедноты. Им противостояли середняки, сумевшие на время занять главенствующее положение в колхозе. Однако когда правление повело борьбу с прогулами, а самыми злостными прогульщиками оказались члены партии, их обвинили в принадлежности к кулачеству и вычистили из колхоза. В довершении всего над ними нависла угроза ссылки на спецпоселение¹⁶. В данном случае социальная иерархия внутри колхоза выстраивалась при активном участии бедноты и членов партии, а середняки оказались в ущемленном положении.

Уже упоминавшийся начальник политотдела Топкинской МТС Б. Майберг, сформулировавший в своей докладной записке проблему дискриминации малоимущих слоев крестьянства, в ней же приводил абсолютно противоположный пример. Один из обследуемых им колхозов – «Боевой май», возглавлялся бывшим батраком, который совместно с правлением «держит курс на крепкого середняка, что б[ывшие] беднота и батраки в загоне, что последним, как правило, отводятся второстепенные, подсобные работы – пастухов, сторожей и т. п.»¹⁷. Данный случай является наглядным примером разнонаправленных векторов социальной мобильности, при которых выходцы из одной и той же среды занимают различные позиции в колхозной иерархии и выступают в противоположных лагерях.

¹² ГАНО. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 125.

¹³ Там же. Д. 252. Л. 238.

¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 1092 об.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 26-26 об.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 304. Л. 57-58 об.

¹⁷ Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 87.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почему положение бедноты в колхозах было столь неоднозначно и по какой причине кто-то продвигался вверх по социальной лестнице, а за другими надолго закреплялось ярмо бедняка? Причина кроется не только в личных качествах индивидов. Отчасти на этот вопрос можно найти ответ в работе И.С. Кузнецова, изучавшего социальную психологию крестьянства Сибири в 1920-е гг. и пришедшего к выводу о неоднородности батрацко-бедняцких слоев. Существовали «вынужденные» бедняки, ставшие таковыми в результате раздела хозяйства, стихийного бедствия или несчастного случая. К ним отношение со стороны односельчан было нормальным. Но были и бедняки, не способные развивать хозяйство, в силу отсутствия задатков к тяжелому физическому труду. Обладавшее особой трудовой этикой крестьянство, уважавшее предприимчивых и трудолюбивых хозяев, негативно относилось к нерадивым беднякам [13, с. 56]. Обычно их третировали в сельской общине, а затем в колхозах, считая ленивыми и неспособными к ответственной работе. Между тем продвижению «вынужденных» бедняков не препятствовали.

Еще одной особой категорией бедноты стал деревенский люмпен-пролетариат, отвергавший крестьянскую этику и стоявший на крайне уравнилельных позициях [13, с. 63–64]. Социально-психологическая маргинальность, оторванность от традиционных ценностей и групповой общности, готовность добиться «социального реванша» сделали эту среду особенно восприимчивой к большевистской идеологии. Коллективизация открыла для них широкие перспективы для социального роста, в том числе и внутри колхозной иерархии. Районные органы власти, отбирившие управленческие кадры для колхозов по принципу политической лояльности, в первую очередь обращали внимание именно на этот контингент, формируя сельский и колхозный актив, вступающий в партию и комсомол. Поэтому не удивительно, что в одном коллективном хозяйстве выходцы из бедняцко-батрацкой прослойки могли оказаться и в привилегированном положении, и в самом низу.

Таким образом, стартовые позиции хозяйства, их экономическое состояние и неформальное положение в крестьянском обществе оказывали существенное влияние на возможности социальной мобильности. Профессиональная и имущественная дифференциация колхозной среды сохраняла отпечаток доколхозной деревни. Коллективные хозяйства «тащили» на себе проблемы разрушенных государством сельских общин, которые должны были разрешаться в уже новых социально-экономических условиях. Низкий социальный статус преследовал не имевших авторитета в деревенском обществе бедняков даже после вступления их в колхоз. Между тем часть бедноты, зани-

мавшая более выгодные позиции внутри своей социальной среды и уважаемая односельчанами, могла использовать открывшиеся с коллективизацией возможности для социального роста. Но лучшими перспективами обладали большевизированные и ментально обособленные от крестьянской массы группы, являвшиеся опорой советской власти в деревне.

С течением времени расслоение колхозников по имущественному положению на бедноту и середняков должно было исчезнуть вместе с развитием социально-профессиональной иерархии и возникновением новых отношений внутри колхозного социума. Однако формы идентичности, основанные на социально-профессиональных признаках, только начали формироваться и еще полностью не сложились. Иными словами, колхозники считали себя в первую очередь крестьянами, со свойственной им имущественной дифференциацией, а уже потом механизаторами, агрономами или председателями. С мест продолжали поступать донесения о сохранявшемся разделении, характерном для доколхозной деревни. Так, Асиновский райком в 1936 г. сообщал об артели «Свобода» следующие факты: «Колхоз организован из крепкой середняцко-зажиточной части. Между бедняцкой и зажиточной частью колхозников имеются групповая борьба и склоки»¹⁸. Тем не менее экономическое разделение должно было постепенно нивелироваться. Спустя годы после начала сплошной коллективизации положение колхозной семьи определялось уже не имевшимися ранее материальными благами, отчасти растраченными самими колхозниками перед вступлением в коллективное хозяйство, внесенными в общий колхозный фонд и «выжатыми» государством путем увеличения налогового-податного обложения. Ко второй половине 1930-х гг. главную роль стали играть уровень развития ЛПХ и занимаемое в колхозной иерархии положение. Последнее влияло как на количество выработанных трудодней, а значит, и полученную оплату, так и возможность использовать колхозные ресурсы в личных целях, иногда в ущерб колхозному хозяйству и втайне от коллектива. Тем не менее разделение на бедноту и середняков сохранялось. Возможно, на исчезновение прежнего статуса требовалось значительно больше времени. К тому же, как было уже сказано, ЛПХ середняков и бедноты обладало разным потенциалом. Не исключено, что уже сложившиеся при организации колхозов групповые отношения настолько сильно укоренились в социуме, что продолжали существовать по инерции, несмотря на постепенно сглаживающееся экономическое различие крестьянских хозяйств. Впрочем, для обоснования данного предположения требуется дальнейшее исследование с привлечением дополнительных источников.

¹⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 709. Л. 172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 374 с.
2. Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука, 1975. 288 с.
3. Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1985. 398 с.
4. Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.; Ч. 2. 831 с.
5. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.
6. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: [б.и.], 2000. 350 с.
7. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.
9. Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда, 2010. 176 с.
10. Глумная М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х–1930-е гг.). Вологда: Легия, 2011. 296 с.
11. Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Эволюция социального мира черноземной деревни в процессе коллективизации (1930–1932 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год: Социальный мир деревни X–XXI вв. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 172–178.
12. Ильиных В.А. Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1 (23). С. 114–128. DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.009
- Ланердин В.Б. Имущественное расслоение и социальная дифференциация колхозников Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 198–211. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-19.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-19
- Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психологические очерки). Новосибирск, 2011. 235 с.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu. V. Social structure of the USSR rural population. Moscow, Mysl', 1971, 374 p. (In Russ.)
2. Gushchin N. Ya., Kosheleva E. V. Charushin V. G. Peasantry of West Siberia in the pre-war years (1935–1941). Novosibirsk, Nauka, 1975, 288 p. (In Russ.)
3. Aniskov V. T. (ed.) The peasantry of Siberia in the period of socialism consolidation and development. Novosibirsk, Nauka, 1985, 398 p. (In Russ.)
4. Danilov V. P. The history of peasantry in Russia in the XX century. Selected works: in 2 vols. Moscow, ROSSPEN, 2011, vol. 1, 863 p.; vol. 2, 831 p. (In Russ.)
5. Zelenin I. E. Stalin's "revolution from above" after the "great break", 1930–1939: politics, implementation, results. Moscow, Nauka, 2006, 221 p. (In Russ.)
6. Ivnitsky N. A. Repressive policy of Soviet state in the countryside (1928–1933). Moscow, 2000, 350 p. (In Russ.)
7. Fitzpatrick S. Stalin peasants: the social history of Soviet Russia in the 1930s: the countryside. Moscow, ROSSPEN, 2001, 442 p. (In Russ.)
8. Beznin M. A., Dimoni T. M. Agrarian system of Russia in the 1930s–80s. Moscow, Lenand, 2014, 608 p. (In Russ.)
9. Izumova L. V. Stratification of the collective farm village in the 1930s–60s (based on materials of the European North of Russia). Vologda, 2010, 176 p. (In Russ.)
10. Glumnaya M. N. Formation and development of the administrative apparatus of collective farms in the European North of Russia (late 1920s–30s). Vologda, Legiya, 2010, 176 p. (In Russ.)
11. Goncharova I. V. Chuwardin G. S. Evolution of the social world of the chernozem village in the process of collectivization (1930–1932). *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2020 god: sotsial'nyy mir derevni X–XXI vv.* Voronezh, 2020, pp. 172–178. (In Russ.)
12. Il'inykh V. A. Social mobility of the collective farm peasantry in the 1930s. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 2021, no. 1, pp. 114–128. (In Russ.)
13. Laperdin V. B. Social stratification in collective farms of West Siberian Region in the 1930s. *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 3, pp. 198–211. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-19.pdf>. (In Russ.)
14. Kuznetsov I. S. On the way to the «the great turn». People and customs of the Siberian village of the 1920s. (Psychological essays). Novosibirsk, 2011, 235 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 05.05.2021

Статья принята к публикации 07.06.2021